

Дж. Гарибян

Несколько лексических уточнений

Азовские повести XVII в. посвящены известным событиям 1637—1642 гг.— борьбе донских казаков с турецкими захватчиками за крепость Азов. Вышедшие из-под пера уроженцев «Вольного Дона», донских канцеляристов, они дают немало интересного материала для лексиколога.

Близость авторов Азовских повестей к народной среде определило наличие в них элементов живого словоупотребления эпохи и, в частности, особенностей языка казачьей среды. Именно с этой точки зрения мы подходим к рассмотрению некоторой части лексики Азовских повестей¹.

1. К живой речи XVII в. мы относим встречающееся в Азовских повестях («Исторической повести»)² слово «ахреян» («охреян»): «А охреян Осанко толмач... говорил так» («Ист. пов.», 56); «И за того посла Фому и ахреяна толмача... казнили» («Ист. пов.», 57).

В данных примерах слово «ахреян» («охреян»), как нам представляется, употребляется в значении «изменник». Проф. В. Чернышев в статье «Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных»³, основываясь на двух примерах с употреблением слова «ахреян» («охреян»), отмечает, что оно при Петре I означало «раскольник»⁴.

В. Чернышев пытается также раскрыть этимологию данного слова, возводя его к искаженному слову «Ефрем» (произносилось Охрем), по свидетельству же автора, имени, очень почитаемому у старообрядцев. Он считает, что именно этим, искаженным в простонародном употреблении именем иконовцы называли в насмешку старообрядцев.

Таким образом, по проф. В. Чернышеву слово «ахреян» («охреян») употреблялось в конце XVII в. в значении «раскольник» (это значение автор считает первоначальным), а появление его относится ко времени после никоновских реформ, т. е. после 1653 г.

¹ Лексике и фразеологии Азовских повестей XVII в. в целом посвящена диссертационная работа автора статьи, представленная на защиту в мае 1956 г.

² Азовские повести XVII в. в нашем рассмотрении включают «Историческую повесть» и «Поэтическую повесть». Примеры по ним приводятся из сочинения А. С. Орлова «Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.)», Тексты, М., 1906. В своей работе берем за основу для «Исторической повести» список С9, а для «Поэтической» — список У (см. классификацию А. С. Орлова в указ. соч.).

³ См. сб. «Язык и мышление», т. 3—4, стр. 172—173.

⁴ См. также В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1955, стр. 774.

Оба предположения В. Чернышева не соответствуют фактам, имеющимся в нашем распоряжении.

Мнение его о том, что слово «ахреян» («охреян») употреблялось в значении «раскольник», казалось, что подтверждается не только приведенными в статье примерами¹, но и обнаруженными нами данными из Воронежских актов 1698 г. и «Розысканий о Шакловитом»², относящимися также к Петровской эпохе.

Однако факт употребления слова «ахреян» («охреян») в приведенных нами выше примерах из «Исторической повести» дает основание утверждать, что отмеченное слово существовало значительно раньше, до так называемого «раскола».

Поэтому понятно, что значение «раскольник» не могло появиться раньше раскола, происшедшего после появления Азовских повестей.

Если даже пример из «Исторической повести» может у кого-либо вызвать сомнение в связи с предположением о появлении данного слова в более поздних списках повести и проч., то в нашем распоряжении имеется другой факт против мнения проф. Чернышева о возникновении слова «ахреян» («охреян») в связи с борьбой против старообрядчества. Так, мы встречаем это слово в аналогичной «Исторической повести» казачьей отписке об азовских событиях от 3 декабря 1637 г.³ В отписке читаем: «А съ темъ, государь, Турскимъ посломъ съ Томою Катакузинымъ былъ толмачъ Охреянъ Осанка и он говорилъ такъ»⁴. Как видим, здесь разговор идет о том же «изменнике толмаче» (переводчике) Асанке (Осанке), который сопровождал турецкого посла в переговорах с казаками.

Чтобы пояснить, почему казаки называют Асанку «ахреяном» («охреяном»), скажем, что Асанка был по происхождению русским, перешедшим в магометанскую веру. Надо полагать, что значение «раскольник», появившееся в этом слове позднее и отмеченное проф. В. Чернышевым, и явилось развитием первоначального значения «отступник», «изменник» своей веры и вообще «изменник»⁵. «Историческая повесть» и

¹ Примеры, приведенные проф. В. Чернышевым из книги Н. Устрелова «История царствования Петра В.», СПб, 1858, т. II, стр. 216, 220; «Азовский паша подослал в Русский лагерь одною из охреян, закоснелых раскольников, изменяющих государю и отечеству»; «Условились также... об охреянах, или раскольниках, бежавших в Азов».

² «По нашему, В. Г., указу велѣно охреяновъ...держать в Азове за карауломъ... и ходить имъ ахреяночь къ церкви божий» (Воронежские акты—Материалы для истории Воронежской и соседних губерний», Воронеж, 1887, изд. Губ. статистического комитета, т. I, стр. 175, 168 г.); «ахреяновъ изменниковъ донскихъ казаковъ» («Розыскные дела о Шакловитомъ», изд. Археолог. комиссии, т. 3, стр. 937). В последнем примере значение «раскольник» не ясно.

³ См. «Донские дела», кн. I, стр. 635 («Русская историческая библиотека», т. 18).

⁴ «Донские дела», кн. I, стр. 68.

⁵ Такое же значение мы видим в вышеуказанном примере из «Розыскных дел о Шакловитомъ», а также в одном из приведенных примеров проф. В. Чернышева: «Азовский паша подослал одного из охреян закоснелых раскольников, изменявших государю и отечеству» (курсив наш—Дж. Г.).

указанная отписка являются первыми произведениями, зафиксировавшими данное слово разговорного языка XVII в. в письменности. Таким образом, его появление можно приурочить к началу XVII в. Что касается этимологии слова «ахреян» («охреян»), то она нам пока представляется неясной.

2. Азовские повести XVII в., как произведения, написанные на военную тему, отражает военную практику данной эпохи.

Не касаясь военной лексики Азовских повестей, о чем будет сказано в другой связи, остановимся здесь на слове «тюфяк», которое встречается в «Поэтической повести» в следующем контексте: «Наряду было с ними всяких пушек и тюфяков» (стр. 97). Слово «тюфяк» — наименование довольно распространенного оружия XVII в. (см. многочисленные примеры из «Дополнений к Актам историческим», собранным и изданным Археологической комиссией, СПб, 1846—1872, тт. VI—IX; см. также и в других деловых документах XVII в.) — означало, очевидно, вид пушки, предназначенной для навесной стрельбы «дробом» (картечью). Об этом говорит употребление слова «тюфяк» в сочетании «тюфякам дробовым» в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки...», составленном в 1607—1621 гг. (см. в издании Рубана, СПб, 1777—1781, ч. 1, стр. 134; см. также в Актах исторических, т. 4, № 205).

Очень интересным нам представляется мнение В. Г. Федорова¹ о том, что пушки и тюфяки, впервые упомянутые в летописях в 1382 г., вопреки принятому в науке мнению, являлись не метательными, а огнестрельными орудиями. Слово же «тюфяк», в частности, означало вид пушки, стреляющей дробью. Автор подчеркивает восточное происхождение слова «тюфяк» и на основе этого делает вывод о проникновении артиллерии к нам с Востока, где огнестрельное оружие появляется в начале XIV в., а не с Западной Европы, как было принято считать, где появление огнестрельного оружия приурочивается к середине XIV в.

В связи с этим считаем не лишним добавить факты из армянского языка. В армянском языке, в диалектах, встречается слово *թիփանկ* (тһванк), которое первоначально означало ружье, стреляющее дробью. Встречаем также слово *թիփանկի* (тһванкчи) «человек с ружьем». Интересно отметить, что последнее слово мы находим в живом русском языке XVII в. (см., например: «а у них -- тюфянчеев на их жаловании человек по пяти», «Древняя Российская Вивлиофика», т. 5, 1650, стр. 244). «Тюфянчей», очевидно, означало человека при огнестрельном орудии — тюфяке.

Таким образом, как русский, так и армянский языки заимствовали эти слова из восточных языков, возможно из тюркских. Интересно, что форма «тюфяк» имеется и в турецком языке в виде тһюфэкл.

¹ См. В. Г. Федоров, К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. Изд. Академии артиллерийских наук, М., 1919.

3. В Азовских повестях встречаем слово, арабское по происхождению, которое, путем устного заимствования из турецкого языка, проникло в разговорный язык казачьей среды XVII в. Слово это — «дугени», множественное число от «дуген» (дуккен — турец. «лавка», «торговый ряд»)¹

Приведем примеры из «Исторической повести»: «А инья азовские люди з женами и з детми в башни и в дугени заперлись»; «Многое множество великого донского войска... на приступе избиша и из башен и из дугеней побиша и перераниша» («Ист. пов.», стр. 60).

В армянском языке, в просторечьи, встречаем и теперь слово դուքան (дукхан) в значении «торговой лавки», «лотка». О распространенности данного слова в современном армянском языке говорит его использование в поэзии армянского поэта Е. Чаренца:

«Ես մի շարքած դուքանդար եմ,
դուքանունս էլ բան չմնաց...»

«Я — пьяный лавочник, и в моей лавке не осталось ничего».

Таким образом, Азовские повести отражают в своей лексике характерное для разговорного языка казачьей среды слово, заимствованное устным путем из турецкого языка, попавшее туда, в свою очередь, из арабского (дукхан). Из арабского языка проникло данное слово, очевидно, и в армянский язык через посредство персидского языка, что подтверждается словом дукхандар «лавочник».

4. О близости языка Азовских повестей к языку казачьей среды свидетельствует также употребление ряда слов, характерных для быта казачества. Так, укажем на употребление слова «зипун», по овидетельству Н. И. Костомарова, «означающее в языке XVII в. «исподнюю одежду»². У донских казаков, кроме того, «казачий зипун» символизирует как бы самих казаков. Снять с плеч казаков зипун — это значит победить их. В «Поэтической повести» читаем: «...по сию пору никто наших зипунов даром не имывал с плеч наших»; «он (имеется в виду турецкий султан — Дж. Г.) прислал под нас казаков для кровавых казачих зипунов наших... паши свои» («Поэтич. пов.», стр. 103). «Казачий зипун», кроме того, обозначал «добычу» казаков — см., например: «А се мы взяли Азов город своею волею, а не государьским повелением, для казачих зипунов своих и для лютых и высоких пых ваших, поганных и скаредных» («Поэтич. пов.», см. в изд. «Воинские повести древней Руси», М.—Л., 1949, стр. 82). В значении «добычи» встречаем слово «зипун» в отписках донских и сибирских казаков (см. «Донские дела», кн. 4, стр. 517, Дополнения к Актам историческим, собран. и изд. археологической комиссией, т. 3, стр. 363 и др.).

¹ См. также объяснение этого слова у чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева. Воинские повести древней Руси, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 313.

² См. Н. И. Костомаров, Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVII и XVIII столетиях, СПб, 1860, стр. 64—65.

5. Слово «юрта» в значении «поселение», «изба» было широко распространено в языке донских казаков, о чем свидетельствуют как наши повести («Ист. пов.», стр. 53, 57, 58)¹, так и материалы «Донских дел» («Донские дела», кн. I, стр. 687, 755, 767, 843, 850; кн. II, стр. 49; кн. V, стр. 95, 485 и мн. др. примеры). Данные факты дают основание считать неправильным предположение О. Г. Пороховой, что «вероятно также еще только в Сибири употребляется в XVII в. слово «юрта»².

Интересно отметить, что в армянском языке встречаем слово յուրդ (юрд) «юрта», сохранившееся лишь в некоторых диалектах и в формуле проклятия յուրդդ քանդուի ինքի (да будет разрушена юрта твоя). Очевидно, и здесь можно предполагать восточное (татаро-монгольское) происхождение данного слова, которое было заимствовано во время монгольского завоевания как в русском, так и в армянском языках.

¹ ...пришли верховые многие атаманы к казаки из своих *юртов*"; „много пакости чинитца росискому государству... и нашим *юртам*“; „послали... в верхъ и по рѣчкамъ казачьих *юртов*“ и др.

² О. Г. Порохова, Лексика Сибирских летописей XVII в. (канд. дисс.) М., 1953, стр. 451.